ДВА ЛЕЙТЕНАНТА.

(очеркъ).

—

...Изъ судовыхъ командировъ не осталось въ памяти моей почти ни одной замѣчательной личности. Помню одного, командовавшаго бригомъ Ф., крайне добраго и свѣдущаго въ своемъ дѣлѣ человѣка, но слабаго начальника, безъ всякой самостоятельности, охотно уклонявшагося отъ объясненій съ бойкимъ и самонадѣяннымъ вахтеннымъ лейтенантомъ, которому стоило только потопать и покричать громче обычнаго надъ капитанскимъ люкомъ, чтобы намекнуть этимъ о бранчивомъ расположеніи своемъ, и заставить миролюбиваго начальника не выходить во всю вахту на верхъ. Помню и другаго, командира фрегата Ф., человѣка любившаго море, умнаго, свѣдущаго и притомъ также очень добраго, но горячаго и вспыльчиваго до непростительной степени. Онъ однажды довелъ самъ себя до того, что, начавъ съ пустаго, ничтожнаго дѣла,

вынужденнымъ нашелся поднять на горденѣ отчаянно строптиваго мичмана, который не хотѣлъ итти на салингъ. Правда, впрочемъ, что и этимъ несчастнымъ случаемъ капитанъ съумѣлъ воспользоваться, когда пришелъ въ себя, чтобы заставить уважать себя еще болѣе прежняго: Признайтесь мнѣ какъ отцу, сказалъ онъ, призвавъ мичмана этого, въ присутствіи прочихъ офицеровъ, — признайтесь, что вы не помните что вы дѣлали, и я признаюсь вамъ какъ сыну, что и я себя не помнилъ — и подалъ ему руку. И третьяго капитана я припоминаю, какъ воснѣ; это былъ командиръ корабля, также добрякъ, но человѣкъ совсѣмъ другаго разбора: однажды мичмана пригласили его посмотрѣть въ телескопъ на юпитеровыхъ спутниковъ, закрывъ напередъ стекло глухимъ мѣднымъ колпакомъ; совѣстно было почтенному старичку признаться, что онъ ни зги не видитъ, когда шаловливая молодежъ, поочередно заглядывая въ телескопъ, восхищается видѣнными чудесами, — и старикъ покривилъ душой,

не только согласился, что видитъ юпитеровыхъ спутниковъ, но даже на вопросъ: сколько ихъ? отвѣтилъ торопливо: много, очень много, — и описывалъ видъ ихъ самымъ подробнымъ и забавнымъ образомъ. Этой потѣхѣ прошло теперь болѣе тридцати лѣтъ, а помнится она живо. Вотъ какъ мы злопамятны!

Полнѣе этихъ отрывочныхъ воспоминанiй, возникаютъ повременамъ въ памяти моей очерки лейтенантовъ. Конечно, — сѣдое марево клубится и передъ этими картинами старины, то застилая ихъ, то путая, искажая и перелицевывая на всѣ лады; но я попытаюсь собрать въ одно цѣлое, что усвоено было однимъ человѣкомъ, отдѣливъ и соединивъ то, чѣмъ былъ и жилъ другой; не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Иванъ Васильевичъ былъ старый лейтенантъ, одинъ изъ тѣхъ, который уже привыкъ быть старшимъ лейтенантомъ на кораблѣ. Среднiй ростъ, гибкiй станъ, большая живость въ движенiяхъ и

самоувѣренность во всей осанкѣ, придавали ему пріятную и приличную наружность; льняной волосъ и такая жъ борода, чисто пробритая на подбородкѣ и тщательно зачесанная по багровымъ щекамъ; красное, всегда загорѣлое лицо, съ голубосѣрыми, острыми, яркими, нахальными глазами и съ бровями льняной кудели, придавали ему неотъемлемое прозваніе *бѣлобрысаго*. Тонкій носъ, рѣзко по лекальцу выкроенныя губы и привычка вытулять искристые глаза свои на показъ, при самодовольной и самоувѣренной улыбкѣ, привлекали на короткое время многихъ, но большею частію порождали въ собесѣдникѣ какую–то нерѣшимость и отчужденіе. Смѣсь замѣчательной образованности съ наглостію и пошлостію чувствъ и мыслей, при самомъ отчетистомъ выраженіи всего этого на лицѣ, въ рѣчахъ и пріемахъ, обдавали васъ такою пестрою смѣсью разнородныхъ впечатлѣній, что трудно было дать себѣ отчетъ въ общности ихъ. Иванъ Васильевичъ ходилъ козыремъ, съ руками въ размашку или разсовавъ ихъ по

карманамъ, коихъ было у него множество, во всякой, безъ изъятія, одеждѣ; форма стѣсняла его до нѣкоторой степени на берегу, но въ морѣ онъ управлялся съ нею по своему: я не помню его на вахтѣ иначе, какъ въ курткѣ съ шитымъ воротникомъ, то есть въ мундирѣ съ отрѣзанными полами, и въ круглой шляпѣ съ низкою тульей. Если кисти рукъ и были заложены въ карманы шароваръ, то локти разгуливали на волѣ; голова привыкла закидываться на затылокъ; острый, но наглый взоръ почасту обращался исподлобья вверхъ; ступни ногъ никогда не сходились, и пятка пятки не видывала: Иванъ Васильевичъ стоялъ не иначе, какъ раставивъ ноги вилами вдоль или поперегъ шагу, а въ послѣднемъ случаѣ, по закоснѣлой привычкѣ, подламывая нѣсколько колѣни и даже нерѣдко покачиваясь на нихъ, будто его подшибало зыбью.

Иванъ Васильевичъ былъ изъ числа тѣхъ старыхъ моряковъ нашихъ, которые прошли школу на англійскомъ флотѣ; пароходовъ — самоваровъ, какъ называлъ онъ ихъ позже,

когда они появились — еще не было; часть кораблевожденія (штурманская) была у насъ вовсе отдѣлена, и моряки такого закалу, къ какому принадлежалъ Иванъ Васильевичъ, величались презрѣніемъ ко всякимъ умозрительнымъ свѣдѣніямъ, ко всему чисто научному, довольствуясь практикой, въ которой, конечно, познанія ихъ были обширны, разнообразны и основательны. Слово *теорикъ*, было у него самою укоризненною бранью, и означало ни куда не годнаго офицера. Никогда не забуду я радушнаго просвѣтленія бѣлобрысаго лица Ивана Васильевича въ минуту шквала, во время приготовленій къ выдержанію шторма, при окончательной уборкѣ зарифленныхъ марселей и тому подобномъ. Иванъ Васильевичъ былъ не злой человѣкъ, но, по какой–то зачерствѣлой привычкѣ, обращался съ командой болѣе чѣмъ строго, — жестоко. Ни какія убѣжденія не могли отклонить его сколько нибудь отъ этой крайне дурной, безчеловѣчной привычки; онъ слушалъ, въ морскомъ дѣлѣ, только одного себя и

неизмѣнныхъ убѣжденій своихъ; и даже нѣсколько возмущеній команды на тѣхъ судахъ, на коихъ онъ служилъ, и при томъ именно вслѣдствіе дурнаго обращенія его, послужили только развѣ къ большему ожесточенію его, но не къ вразумленію. Онъ опасался упрека въ трусости, если бы уступилъ проявлявшимся иногда лучшимъ чувствамъ, и эти превратныя понятія связывали его и направляли неизмѣнно по одной колеѣ. Вотъ почему Иванъ Васильевичъ въ тихую и ясную погоду не рѣдко являлся на вахту насупивъ паклястыя брови свои, и закусывая по временамъ ярко–алыя губы; онъ скучалъ спокойною, бездѣйственною вахтой, кипучая кровь его требовала дѣятельности, начинались ученія и испытанія разнаго рода, а за ними слѣдовали и неизбѣжныя взысканія и расправа.

Другое дѣло въ бурю: по мѣрѣ того, какъ небо замолаживало, постепенно заваливалось тучами, полдень начиналъ походить на позднія сумерки, прозрачный отливъ яри–мѣдянки и лазурика темнѣлъ на

поверхности моря и слоны густаго свинцоваго цвѣта вздымали хребты свои — по мѣрѣ всего этого Иванъ Васильевичъ начиналъ свѣжѣть, молодѣть, оглядываться какимъ–то царькомъ и лицо его теряло грубыя, звѣрскія черты, выражавшіяся именно движеніемъ бѣлыхъ бровей, и закушенными губами. Брови эти подымались, чело прояснялось, лице получало какое–то дѣтское, прямодушное выраженіе; глаза какъ будто голубѣли, острый, тонкій носъ выражалъ разсудительность и увѣренность, привѣтливая улыбка устраняла всякое судорожное движеніе около рта; перемѣна эта была такъ разительна, что ее понималъ безсознательно послѣдній матросъ, и вся команда бралась тогда за дѣло безъ робости и страха.

Никогда не видалъ я (или не слыхалъ?) такой тишины, какъ въ вахту Ивана Васильевича. Самъ онъ не терпѣлъ крику, длинныхъ, обстоятельныхъ командныхъ словъ и повтореній. Голосъ его, нѣсколько высокій и рѣзкій, если кричалъ, весьма

ясно и отчетисто отдѣлялся отъ всѣхъ иныхъ голосовъ и слышался только передъ исполнительнымъ свистомъ или откликомъ: *есть!* Кромѣ короткихъ командныхъ словъ, не произносилъ онъ на вахтѣ, этимъ голосомъ, ничего, а пополнялъ что нужно вполголоса, баритономъ; или указывалъ только хорошо наметавшемуся уряднику бровями въ ту сторону, гдѣ надо было исполнить команду. Вмѣсто того, что Ѳедоръ Ивановичъ, о коемъ буду говорить ниже, командовалъ ровнымъ и бездушнымъ голосомъ; «на фока–брасъ, на марса–брасъ, на брамъ–брасъ, на грота–брасъ» и пр., Иванъ Васильевичъ живымъ, кипучимъ голосомъ, безъ натуги, кричалъ: «на брасы, на правую!» и моргнувъ, если нужно было, паклястыми бровями своими туда, куда слѣдовало броситься уряднику, онъ прибавлялъ вполголоса: «на отдачѣ стоять!» — и вслѣдъ затѣмъ раздавалось разгульное: «пошелъ», и мигомъ, летомъ всѣ реи перебрасывались съ одного галса на другой, при общемъ молчанiи и одномъ

только топотѣ и согласномъ пѣніи свистковъ.

Я упомянулъ, что у Ивана Васильевича всякая вина была виновата, а виноватое дѣло не прощеное. Ни отговорокъ, ни разсужденій, ни толковъ, ни шуму и крику, а одинъ молчаливый линекъ. Въ тихое или вообще свободное время, когда мрачное небо, гулъ и вой непогоды не разъясняли огненнаго лица Ивана Васильевича, марсели крѣпились неиначе какъ по склянкамъ, отдавались по склянкамъ, рифы брались по склянкамъ и всѣ запоздалые, хотя бы это былъ цѣлый нокъ грота–рея, были наказываемы. Помню, что однажды негодующій капитанъ осторожно и прилично вмѣшался въ это дѣло и объявилъ приговореннымъ прощеніе отъ имени лейтенанта; но Иванъ Васильевичъ, соблюдавшій въ подобныхъ случаяхъ всегда полное приличіе подчиненности, нисколько не смутившись этимъ, не менѣе того сдѣлалъ свое дѣло въ слѣдующую вахту.

При такой неумолимой строгости къ нижнимъ чинамъ, онъ однакоже совсѣмъ

иначе обращался съ подвахтенными офицерами и гардемаринами: онъ не требовалъ отъ нихъ ровно ничего, какъ только чтобы они ему не мѣшали, и ни во что не вмѣшивались. Самолюбіе его было такъ велико, что онъ всѣхъ младшихъ честилъ прозвищемъ молокососовъ, признавалъ одну только пользу своей дѣятельности, однѣ свои знанія и свѣдѣнія, а на всѣхъ прочихъ смотрѣлъ со снисходительнымъ презрѣніемъ. Съ мичманами, онъ надосугѣ только точилъ лясы, самые грубые, самые пошлые, самые грязные, къ какимъ способно было его испорченное воображеніе. Онъ былъ въ житейскомъ быту человѣкомъ вполнѣ чувственнымъ и стало быть стоялъ на низшей степени человѣчества. Онъ любилъ поѣсть и попить, хотя отнюдь не былъ пьяницей, и съѣхавъ на берегъ, давалъ полный разгулъ и просторъ всѣмъ скотскимъ наклонностямъ своимъ. Не было такого грязнаго угла и захолустья, въ которомъ бы Иванъ Васильевичъ не пробавился денекъ съ истиннымъ

наслажденіемъ. О бытѣ семейномъ, онъ всегда отзывался съ такимъ презрѣніемъ и такими словами, коихъ нельзя и передать. И въ то же время — какая противуположность — онъ зналъ на память и охотно и хорошо читалъ наизустъ лучшія стихотворенія англійскихъ и италіянскихъ поэтовъ, любилъ ихъ и восхищался ими, указывая на всѣ тонкости выраженій, на всю прелесть этихъ созданій! Не могу покинуть этого очерка, не сказавъ словечка для объясненія такихъ противорѣчій: кто живетъ только умомъ и чувственностію, тотъ бродитъ по поясъ въ грязи, не смотря ни на какое умственное образованіе. Всѣ достоинства его односторонни, потому что нѣтъ существеннаго, нѣтъ того основанія, на которомъ долженъ стоять человѣкъ, созданный по образу и подобію Творца: нѣтъ нравственности. Любовь и воля его обратились въ похоти, духъ подчинился плоти, и далѣе чѣмъ видитъ и слышитъ плоть эта, не видитъ и не слышитъ онъ ни чего. Слухъ и зрѣніе духовные заморены. Каково же будетъ когда–то просыпаться

Ивану Васильевичу, глухому и слѣпому, съ одними скотскими порывами?

Обряды своей церкви Иванъ Васильевичъ въ морѣ исполнялъ довольно постоянно, но до того безсознательно и безразсудно, что въ это время ни сколько не прерывалъ обычнаго теченія мыслей и чувствъ своихъ, продолжая бесѣдовать, для приличія вполголоса, о самыхъ суетныхъ и соблазнительныхъ предметахъ. Церковная служба и исполненіе обрядовъ церкви, въ морѣ, составляли для него часть морскаго устава, и потому, по понятію его, требовали строгаго исполненія; на берегу же, онъ считалъ себя свободнымъ даже и отъ этого внѣшняго послушанія. На берегу онъ давалъ полный просторъ суетной, вещественной жизни своей, говоря: а вотъ выйдемъ въ море, такъ поневолѣ заговѣемся.

Морской уставъ уважался имъ вполнѣ; изрѣдка только, и то съ оглядкою и не командным, звучнымъ голосомъ, а болѣе глухимъ полубасомъ, тѣмъ же баритономъ коимъ пополнялъ на кораблѣ командныя

слова, Иванъ Васильевичъ дозволялъ себѣ находить въ немъ нѣкоторые недостатки, особенно въ сравненіи съ англійскимъ уставомъ, къ которому пристрастіе его не знало предѣловъ. Зато Иванъ Васильевичъ, кромѣ Морскаго Устава, не признавалъ надъ собою ни какихъ законовъ, ни Божескихъ, ни человѣческихъ, а исполняя Уставъ, заканчивалъ этимъ всѣ разсчеты свои пообязанностямъ къ Богу, Государю и ближнему. Все остальное было его, во всемъ была его воля, и онъ дѣлалъ, что хотѣлъ, ни чѣмъ не стѣсняясь.

Помню еще одну замѣчательную черту этого человѣка: въ то время только что стали вводить во флотѣ фронтовую, пѣхотную службу, къ крайнему сокрушенію всѣхъ старыхъ моряковъ, которымъ тяжело было ей подчиниться. Иванъ Васильевичъ, отъ котораго ожидали рѣшительнаго противодѣйствія и осмѣянія ружейныхъ пріемовъ и маршировки, напротивъ, подумалъ секунды двѣ, вздернулъ брови, подобралъ губы и сказалъ: что жъ, это хорошо. Посмотримъ только, какъ за это

возмутся; коли вздумаютъ выслуживаться, да перетягивать насъ на солдатскую колодку, такъ испортятъ. А роздать ружья, выучить пріемамъ, слегка пожалуй и построеніямъ, да пуще всего разсыпному строю и стрѣльбѣ — это хорошо, мы тогда будемъ сильнѣе Англичанъ.

Самою разгульною мечтою и бредомъ Ивана Васильевича былъ поединокъ двухъ фрегатовъ, русскаго и англійскаго, причемъ, разумѣется, первый состоялъ подъ его начальствомъ. Онъ приходилъ въ изступленіе описывая событіе это съ такою подробностію, съ такимъ знаніемъ дѣла и вѣрностію, что у слушателей занималось дыханіе. Онъ требовалъ для этого хорошій фрегатъ, поправки и снаряженія безъ всякаго ограниченія, офицеровъ, которые бы отнюдь не ссорились между собою, а команду какую угодно, все равно, и годъ практики въ морѣ. Годикъ въ морѣ — говаривалъ онъ, — я и чорта выучу, коли отдать его подъ мою команду. Мнѣ чужой науки не надо; я слажу и самъ; годъ въ морѣ — великое дѣло; всякаго можно

приставить къ своему мѣсту и дѣлу, вся команда свыкнется и обживется; поставивъ спросонья штурмовые стакселя, она себѣ уснетъ опять, какъ на рейдѣ.

— Чуть свѣтъ, въ исходѣ шестой склянки, продолжалъ Иванъ Васильевичь сверкая калеными сѣрыми глазами изъ–подъ бѣлыхъ бровей, — меня будятъ: судно прямо на зюйдъ. Вскакиваю, выбѣгаю съ трубой, которую я, какъ вы знаете, ни кому не даю въ руки....

— Чтобъ не сглазили, замѣтилъ другой.

— Да, чтобъ не сглазили, отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, какъ у меня сглазили ихъ ужъ двѣ: уронили за бортъ.

— Не перебивай, шепнулъ третій, толкнувъ товарища локтемъ, и Иванъ Васильевичъ, не безъ удовольствія замѣтивъ, что въ собравшемся около него кружкѣ не одни мичмана, а также двое старыхъ товарищей его, продолжалъ:

— Вскинулъ трубу — такъ, Англичанинъ; его знать по осанкѣ. Это передовикъ. Бить тревогу; очистить палубы; готовиться къ дѣлу; по два ядра въ пушку; осматривать

горизонтъ, не покажется ли еще гдѣ паруса. — Спускайся: держать прямо на него. Фрегатъ подъ русскимъ флагомъ! прекрасно, подымай англійскій флагъ! Брамсели долой! — А, вотъ и другое судно, это товарищъ его; кажется бригъ.... бригъ и есть, но онъ миль 15 подъ вѣтромъ; быть не можетъ, чтобы фрегатъ, чтобы Англичанинъ уклонился отъ боя, а бригъ опоздаетъ; останутся однѣ щепки. Непріятель поднялъ англійскій флагъ съ пушкой — ядро дало всплескъ подъ кормой; подымай нашъ флагъ и гюйсъ: три пушки за одну, для почета, а затѣмъ, не палить: полкабельтова настоящая мѣра. Ядро у насъ перебило ванту — ядро засѣло въ скулу — констапель говоритъ, что настоящая мѣра.... проситъ позволенія.... Скажи констапелю, что я его посажу въ трюмъ, коли онъ будетъ разсуждать: полкабельтова моя мѣра; не смѣть палить, до приказанія. Непріятель лежитъ на правомъ галсѣ: держи подъ корму, подошедши на кабельтовъ, приводи вдругъ — лѣво на бортъ — пошелъ брасы съ лѣвой — залпъ: кто навелъ, пали! право на

бортъ! спускайся подъ корму! залпъ правымъ бортомъ, да продольный, наискось.... У Англичанина стеньги полетѣли, рулевую петлю своротило, да зажало крюкомъ, и руль стоитъ какъ вкопаный, дуракъ дуракомъ.... приводи, лѣво на бортъ, пошелъ брасы на лѣвой — валяй по два ядра! Фрегатъ валитъ прямо на насъ, вышелъ изъ вѣтру, руль не рулитъ..... подай его сюда! обордажные! готовься — за мной.....

Свирѣпо прорвался Иванъ Васильевичъ сквозь тѣсный кружокъ и, сдѣлавъ шага три, повернулся, опустилъ руку и сказалъ вполголоса: шишъ вамъ.

— Да вы забыли свой–то фрегатъ, замѣтилъ кто–то среди общаго, шумнаго одобренія, — что на немъ дѣлается. Вѣдь и непріятель палитъ не подушками, а такими жъ ядрами!

— Ну такъ что жъ, отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ заложивъ руки въ карманы, — что жъ изъ этого? Ну, насъ съ вами выкинули за бортъ, можетъ статься и по частямъ, кто голову, кто руку да ногу, а

мѣсто, гдѣ мы стояли, подтерли шваброй; вотъ и все.....

Иванъ Васильевичъ былъ искусный и наглый плутъ, гдѣ надо было щегольнуть и покрасоваться въ морѣ передъ другими; ни у кого не было на готовѣ столько уловокъ, чтобы первымъ спустить брамъ–реи или брамъ–стеньги, взять рифы и пр. Въ такихъ случаяхъ у него все было подготовлено на каболочкахъ и все дѣлалось на фальшиво. Но онъ, вовсе не будучи честнымъ, потому что какъ–то не зналъ этой добродѣтели и не цѣнилъ ее, былъ однако же весьма не корыстенъ, и никогда не пользовался какими либо непозволительными доходами, всего же менѣе на счетъ команды. Какъ объяснить это, при другихъ довольно превратныхъ нравственныхъ понятіяхъ, я не совсѣмъ понимаю; кажется это было одно только безотчетное отвращеніе, основанное на равнодушіи ко всякому стяжанію. Жадность и скупость, даже нѣсколько тщательная бережливость, въ глазахъ его были пороки презрѣнные; зато всякій порокъ, согласный съ молодечествомъ,

наглостью и похвальбою, слыли въ понятіяхъ его доблестями.

При такихъ свойствахъ, порокахъ, недостаткахъ и достоинствахъ Ивана Васильевича, почти всѣ командиры за нимъ ухаживали и просили о назначеніи его къ нимъ. Съ такимъ старшимъ лейтенантомъ на фрегатѣ, командиръ могъ спать спокойно и избавлялся большей половины заботъ своихъ. Иванъ Васильевичъ на шканцахъ никогда не забывался, никогда не нарушалъ чинопочитанія, но самостоятельность его вообще устраняла всякое вмѣшательство и не любила ограниченій или стѣсненій. Правда, что командиръ, положившись на него разъ, въ немъ не обманывался: вооруженіе, обученіе команды, управленіе парусами — все это было въ самомъ отличномъ порядкѣ; но команда терпѣла отъ непомѣрной взыскательности, отъ жестокости своего учителя и не рѣдко гласно роптала. Поэтому было нѣсколько командировъ, предпочитавшихъ офицера, можетъ быть не столь опытнаго и

рѣшительнаго, но болѣе разсудительнаго и добродушнаго.

Этотъ другой былъ — Ѳедоръ Ивановичъ. Головою выше перваго, болѣе статный и видный собою на берегу, съ мягкими, общими чертами лица, онъ однако же на шканцахъ много терялъ рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ, и сравнительно съ нимъ казался нѣсколько робкимъ и малодушнымъ. Позже, будучи самъ командиромъ, онъ былъ въ дѣлѣ и доказалъ, что внѣшность обманчива; всѣ отзывались объ немъ съ уваженіемъ.

Товарищи дружески называли Ѳедора Ивановича подкидышемъ Морскаго Корпуса: овдовѣвшая мать привезла его въ Петербургъ и притомъ, по какимъ–то безтолковымъ увѣреніямъ пріятелей, почти прямо съ пути, въ Корпусъ, гдѣ небыло празднаго мѣста и онъ не могъ быть принятъ. Больная и вовсе безъ денежныхъ средствъ, она до того разжалобила Марка Филипповича, что онъ оставилъ мальчика на время у себя, или у кого–то изъ офицеровъ; мать хотѣла пріѣхать на другой

день, пропала безъ вѣсти и черезъ недѣлю съ трудомъ только дознались, что она слегла въ ту же ночь и вскорѣ скончалась, въ безпамятствѣ, на какомъ то постояломъ дворѣ или подворьѣ. Что было дѣлать съ бѣднымъ подкидышемъ? Къ счастію бумаги его уцѣлѣли, и онъ былъ принятъ въ Корпусъ круглымъ сиротой. Гардемариномъ еще попалъ онъ въ дальнее плаваніе, а мичманомъ сходилъ въ Камчатку, а потому слава и достоинства опытнаго моряка были ему обезпечены на всю жизнь.

Ѳедоръ Ивановичь былъ высокаго росту, строенъ, темнорусъ, сѣроглазъ, съ какимъ–то добродушнымъ отрѣзомъ или морщиной между щекъ и губъ. Эта черта поселяла довѣренность въ каждомъ, кто глядѣлъ ему въ лицо. Маленькія, пригожія уши и вольная прическа нѣсколько волнистыхъ волосъ, придавали ему свободную и угодную наружность; но тѣсныя, сжатыя плеча и прижимистые локти намекали на мелочность, ограниченный взглядъ и нѣсколько тѣсныя понятія. У Ивана Васильевича руки были только навѣшены

въ плечахъ и болтались просторно; у Ѳедора Ивановича онѣ были почти на заклепкахъ и не двигались безъ надобности. Ѳедоръ Ивановичъ также не рѣшался раставлять ноги свои вилами, хотя это при качкѣ удобнѣе, а стоялъ всегда твердо на одной ногѣ, подпираясь другою.

Въ бесѣдѣ Ѳедоръ Ивановичъ былъ очень пріятенъ, но скроменъ и тихъ; зато на шканцахъ, я не слыхивалъ такого неугомоннаго крикуна. Иванъ Васильевичъ никогда почти не бралъ въ руки рупора; Ѳедоръ Ивановичъ напротивъ не выпускалъ его изъ рукъ, хотя и командовалъ обыкновенно своимъ голосомъ, довольно звучнымъ, но крикливымъ. Прокричавъ командное слово, онъ продолжалъ тѣмъ же голосомъ, понукать на право и на лѣво, окликать старшаго на ютѣ, на бакѣ, на марсахъ, повторялъ опять команду, бранился и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ — хотя и не такъ утонченно грязно, какъ Иванъ Васильевичъ — бѣгалъ суетливо взадъ и впередъ, съ возгласами: что это, это что? Мордва, Литва! и пр. Со всѣмъ

тѣмъ Ѳедоръ Ивановичъ зналъ свое дѣло отлично, обходился съ командой умно и разсудительно, велъ подчиненныхъ прекрасно, умѣлъ занять каждаго и пріохотить къ дѣлу. Если насмѣшники и говорили объ немъ, что клетневка, остропка блоковъ и оплетка рѣдечкой концовъ были главнымъ предметомъ его занятій, то это доказывало только, что Ѳедоръ Ивановичъ не пренебрегалъ и этими мелочами, весьма важными въ быту моряка, и не имѣлъ надобности чуждаться ихъ, потому, что зналъ всѣ работы эти самъ, едва ли не лучше всякаго боцмана.

Богомольный, не по обязанности и уставу только, а по чувству и потребности, но богомольный на столько, на сколько святость доступна человѣку внѣшнему; ровный и терпѣливый въ обращеніи своемъ, честный и добросовѣстный въ отношеніи къ товарищамъ, твердый въ словѣ, благородный въ поведеніи, Ѳедоръ Ивановичъ однако же былъ не безъ пятна, и правду сказать, не безъ темнаго. Будучи о семейной жизни противоположнаго

мнѣнія съ Иваномъ Васильевичемъ, онъ охотно мечталъ объ этомъ состояніи, какъ о цѣли всѣхъ надеждъ своихъ и служебныхъ трудовъ. Жена по мыслямъ, свой домокъ, свой уголокъ, свой укромный садикъ, въ которомъ роются ребятишки какъ кроты — кто этимъ не прельстится! Но какими путями бѣдному подкидышу Морскаго Корпуса достигнуть такой блаженной мечты? Лейтенантъ получалъ въ то время 720 руб. асигнаціями! Примѣръ и привычка вызывали въ мысляхъ Ѳедора Ивановича одну только сбыточную картину, одинъ только сбыточный къ ней путь: сквозь мракъ ночной вахты и сквозь туманъ утренней, онъ видѣлъ въ концѣ своего поприща уютное мѣстечко при портѣ; — поставки — подряды — сдѣлки — свидѣтельства годнаго и негоднаго — расчеты и недочеты; — вотъ чѣмъ играло скорбное воображеніе Ѳедора Ивановича и вотъ что утѣшало безотрадную будущность его. Онъ поговаривалъ объ этомъ не скрываясь, бесѣдовалъ съ товарищами откровенно, не чая въ этомъ ни грѣха, ни

неправды. Онъ прибавлялъ еще къ этому: что дѣлать, вѣдь въ нашемъ быту семьи не обезпечить; экипажные командиры все сами строютъ, всѣмъ сами завѣдуютъ, нашъ братъ ротный командиръ только для славы числится начальникомъ, а доходовъ нѣтъ. Проходить лѣто въ морѣ — одни копѣечные остатки отъ порціонныхъ, да барышишки отъ жалованья, что квартиры не нанимаешь; доведется пробыть лѣто на берегу — пяти человѣкъ нельзя выслать на покосъ, людей нѣтъ, всѣ у командира на ординарцахъ.....

Какъ же вы объясните эту черту изъ нрава Ѳедора Ивановича? Совмѣстна ли она съ признаннымъ благородствомъ его? — Къ сожалѣнію, къ прискорбію нашему, совмѣстна.

Нравы Ивана Васильевича и Ѳедора Ивановича, какъ вы видѣли, не только были не сходны, но почти противоположны; два человѣка эти, даже какъ моряки, не походили другъ на друга, хотя каждый изъ нихъ и былъ отличный, прекрасный морякъ: Иванъ Васильевичъ терпѣть не могъ мелей, рифовъ и подводныхъ камней;

отчаянно–спокойный при всякой иной опасности на морѣ, онъ иногда нѣсколько терялся при внезапномъ крикѣ съ баку: бурунъ впереди! — Напротивъ Ѳедоръ Ивановичъ оставался ровнымъ всегда и во всякое время, при всѣхъ опасностяхъ, пугаясь мели не болѣе, какъ и шторма, и течи, и пушки; Ѳедоръ Ивановичъ никогда не соглашался на такъ называемыя невинныя хитрости, на преждевременную выбивку шлагтова, на фальшивую привязку марселей каболкой, чтобы во время общаго ученья удивить адмирала быстротою спуска стеньги и перемѣны марселей; это Ѳедоръ Ивановичъ, безъ всякихъ околичностей, называлъ мошенничествомъ и готовый принять хладнокровно всякое взысканіе или порицаніе, за медленность и неповоротливость команды, въ сравненіи съ плутующими сверстниками, не отступалъ отъ своихъ правилъ чести. Иванъ Васильевичъ, напротивъ, называлъ это глупымъ упрямствомъ и бахвальствомъ; но онъ зато, безъ многословія, съ презрѣніемъ отвергалъ всякое крохоборство, всякую

наживу и поживу; безчеловѣчный въ обращеніи съ командой, гдѣ дѣло шло о перенесеніи служебныхъ трудностей и опасностей, онъ считалъ варварствомъ высылать людей на свою работу, на покосъ; Ѳедоръ Ивановичъ напротивъ, мягкій, сочувствующій всему и всѣмъ, съ развитымъ понятіемъ о справедливости, не будучи въ состояніи обидѣть чѣмъ либо послѣдняго, безгласнаго простолюдина, — Ѳедоръ Ивановичъ считавшій самъ себя богобоязненнымъ и богомольнымъ человѣкомъ, строилъ все благоденствіе будущности своей, все семейное счастіе, свято имъ чтимое, именно на этихъ покосахъ, на надеждахъ доходнаго мѣстечка!

А между тѣмъ, объясненіе на виду. При всѣхъ добрыхъ качествахъ Ѳедора Ивановича, при всемъ несходствѣ его съ Иваномъ Васильевичемъ, онъ походилъ на него, какъ двѣ капли воды, въ томъ отношеніи, что и подъ нимъ также не было надежной сваи, и онъ носился въ утломъ челнѣ своемъ надъ неразгаданною бездною;

носился безсознательно и безотчетно. И въ немъ не доставало нравственнаго основанія; помышленія и чувства были хорошо развиты, но яснаго сознанія о долгѣ человѣка, о томъ, что пуще всего онъ долженъ хранить въ себѣ, какъ неискажаемую, неприкосновенную святыню, въ немъ не было. Любовь и воля его обратились въ стремленіе къ насущному, духъ подчинился плоти, и далѣе чѣмъ видитъ и слышитъ плоть эта, и самъ онъ не видитъ, не слышитъ, не знаетъ и даже не чаетъ ничего. Слухъ и зрѣніе духовные пригнетены, заморены....

В. ДАЛЬ.
